«Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!.. Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома. Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!..»

Это самое короткое произведение в истории русской литературы. Не стихи, не проза. Не драма, не публицистика. Впрочем, и то, и другое, и третье, и четвертое. А еще — музыка и живопись. Философия и политика. Мука и счастье. Всего три строки. В которых — вся жизнь. Родины. Народа. Культуры. И, безусловно, жизнь самого русского классика русской литературы — Ивана Сергеевича Тургенева. Который до последнего дыхания был предан своей Родине. Своему народу. Своей культуре. Хотя его дыхание остановилось далеко, далеко... От всего, что он так любил...

Строки, ставшие афоризмом. Когда нам плохо, мы машинально повторяем: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий...» И становится легче — мы не одни. Когда плохо нашей стране, мы машинально повторяем: «Как не впасть в отчаяние...» И становится легче, потому что — мы думаем на русском языке: «О великий, могучий, правдивый и свободный!..» И верим, верим, верим. Как верил Иван Тургенев...

Ему было не тяжелее, чем многим его товарищам по перу. Но и не легче. Он думал по-русски. Он любил по-русски. Ненавидел по-русски. Страдал по-русски. И жил по-русски. И умер по-русски. И все-таки так далеко, далеко от России.

В этом его тоже русскость: когда вся жизнь — сплошные противоречия. Столкновение смыслов и бессмыслиц. Понятий и непониманий. Меры и безмерности...

Сын жестокой, властной крепостницы Тургенев «вырос в атмосфере, где царили подзатыльники, щипки, колотушки, пощечины и прочее». И все же с «сердцем добрым», «характером не испорченным» от всего сердца и в силу своего характера он ненавидел крепостное право. И дал «аннибаловскую клятву» бороться с ним

«до конца», «никогда не примиряться». Клятву свою он не нарушил. А в самом трогательном произведении «Муму» он не пощадит и свою мать.

Наследник богатого дворянского рода, Тургенев всю жизнь помогает униженным и оскорбленным. Барин, придерживающийся революционных взглядов. Друживший с Некрасовым, Белинским, Герценом.

Страстный охотник — при этом страстно влюбленный в природу, один из самых виртуозных ее певцов, особенно обожавший пение птиц. «Они дышали вечностью, эти звуки — всей свежестью, всем равнодушием, всею силою вечности. Голос самой природы слышался мне в них, тот красивый, бессознательный голос, который никогда не начинался и не кончится никогда...»

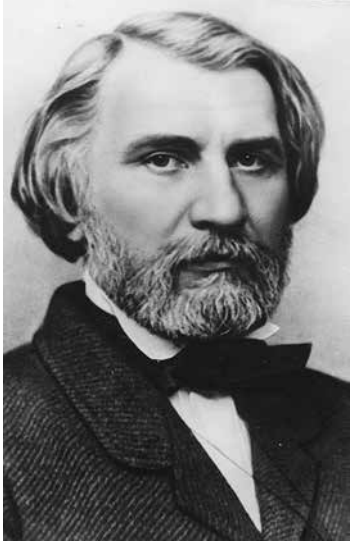
Судьба изначально уготовила ему литературный путь. А он после учебы в Московском, Петербургском, Берлинском университетах хочет быть кем угодно — только не литератором. И ищет другие пути. Ученый-философ? Педагог? Политик? Военный? Госслужащий в Министерстве внутренних дел (где им экономически грамотно была написана записка-доклад — «несколько замечаний» — против «крепостного состояния» и срочной необходимости преобразований в России)? Впрочем, все искания молодого Ивана Тургенева — только для блага России. И все пути должны неизбежно привести к храму... литературы. Что уготовано судьбой — того не миновать.

Романтик по натуре, он сражается за реализм в литературе, за ее социальность, народность. И связал свою судьбу с самым демократичным изданием — «Современником».

Миролюбивый по натуре, он добровольно уезжает в революционный Париж, чтобы увидеть грандиозные события своими глазами. И в грозные июньские дни 1848 года — Тургенев в толпе восставших, которую штыками гонят национальные гвардейцы. Тургенев на баррикадах — для помощи раненым. После подавления восставшего пролетариата он видит «улицы, разрытые и облитые кровью, дома разрушенные...» Это его путь к храму... литературы.

Пацифист по характеру, он уже позднее горячо переживает за Крымскую войну. «Признаюсь, я охотно пожертвовал бы своей правой рукой, лишь бы ни один из вторгшихся к нам врагов... не остался безнаказанным, и если я о чем-нибудь сейчас сожалею, то лишь о том, что я не избрал для себя военного поприща, — быть может, — мне удалось бы пролить свою кровь, защищая родину...» Это его путь к храму... литературы.

Кристально честный — хотя по жизни у него постоянные судебные разбирательства. Так, дело «О буйстве помещика Мценского уезда Ивана Тургенева», который заступился за крепостную, длилось почти 30 лет, вплоть до отмены крепостного права. За некролог Николаю Васильевичу Гоголю («Гоголь умер! Какую русскую душу



И. С. Тургенев

не потрясут эти два слова?..») лично Николай I велел «посадить его на месяц под арест и выслать на жительство на родину, под присмотр», учредив «секретное наблюдение». Наконец, обвинения в плагиате, брошенные ему Иваном Александровичем Гончаровым. И — третейский суд. Не судите, да не судимы будете... Таков его путь в храм литературы.

Придумавший «тургеневских девушек», он навсегда влюбляется в «бальзаковскую женщину». Независимую роковую Полину Виардо. Мечтающий о семье, он остается одиноким.

Влюбленный в русский язык, он слишком часто вынужден говорить на французском — и при этом: «Берегите чистоту языка как святыню. Никогда не употребляйте иностранных слов. Русский язык так богат и гибок, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас».

В дни сомнений и во дни тягостных раздумий он мог позволить себе сказать: «Я повесил свое перо на гвоздик... Россия мне стала чужда — и я не знаю, что сказать о ней». И тут же: «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может». Это он понимал как никто. И с гвоздика снимал перо. И писал.

Один из величайших русских писателей, он стал кумиром для Запада. Его романы — образец для европейских писателей. Им восхищались Мопассан и Золя, Жорж Санд и Гюго, Диккенс и Франц, Теккерей и Мериме... Он с ними дружил.

Ивана Сергеевича Тургенева классиком признали еще при жизни. Справедливо признали. Может, потому он за это и пострадал. Несправедливо. На классика вдруг обрушился шквал критики. Слева, справа, снизу, сверху. От либералов. От социал-демократов. От западников и славянофилов. От аристократии. От прогрессивных до реакционных. «Мой последний ро-

ман наделал много шума, оттого, что появился в такое время... Я попытался представить конфликт двух поколений, и это отыгралось на мне. Град проклятий и, надо сказать, сочувствий... Получаю комплименты, которые причиняют мне боль, а с другой стороны, слышу критику, доставляющую мне удовольствие». Классику в это время было уже (или всего?) 44 года. Так он на стороне отцов или детей?

Пожалуй, роман «Отцы и дети» лучше всего показал, на чьей он стороне. Точнее — он в стороне. Нет, не просто сторонний наблюдатель. Не просто писатель, записывающий время, место, образы и идеи. И не как судья или адвокат — в стороне. Он не судит и не оправдывает. «В тоне его описания не слышно раздражения; он просто устал идти». Он пытается понять... Но это не точно. Он хочет, чтобы поняли все. Те, кто его читал в XIX веке, кто в XX, кто в XXI. И кто еще прочтет потом, потом... И его поняли. Не все. Не сразу. Но поняли. И, безусловно — поймут. Потому что главное действующее лицо в этом романе — время. Время конкретное, историческое — накануне реформы отмены крепостного права. Когда на авансцене — образ нового человека, образ нового общественного деятеля. «Я являюсь крестным отцом “нигилизма ””», — пишет Тургенев. И потом: «Если вы не полюбите Евгения Базарова, то, значит, я не достиг своей цели».

Его поначалу и не полюбили! Отрицатель! Грубиян! Высокомерный скептик! Посмевший заявить: «В теперешнее время полезнее всего отрицание — мы отрицаем». Он отрицает искусство! Принципы! Авторитеты! Веру! Дружбу! Любовь! И само время отрицает! Черт побери, он отрицает саму смерть! Ничего святого!

А вот и неправда. Базаров отрицает не во имя отрицания. Это было бы просто умничаньем, позерством. А он — человек дела, а не пустых слов, в отличие от Кирсановых. Он — не «лишний человек». Он отрицает во имя совершенства. Ради идеала. Может быть, поэтому сам Базаров так от совершенства далек? «Исправьте общество, и болезней не будет». На авансцене — Дон Кихот? Или Гамлет?

Тургенев безжалостно убивает его. У Тургенева нет выхода. Он просто, по признанию писателя, «не знал, что с ним делать». А что с ним тогда можно было сделать? Он либо бы перешел в стан «отцов», либо все равно погиб бы на баррикадах. В крайнем случае — на дуэли. Но это было бы слишком повторяемо. Тургенев не любил повторяться. И все же смерть Базарова действительно выглядела подвигом. Не случайна она была, не случайна. Это была смерть нигилиста, который все-таки верил в истину, а значит, верил во все.

И все же кроме главного персонажа — времени, главным персонажем романа является Время. Противоречия поколений. Которые неизбежны. И которые навсегда. Таково течение жизни. Отцы и дети. Без отцов не будет детей. И все же... Какая пропасть. Отчаянная, эгоистичная, сумасбродная молодость. Умеренная, рассудительная и сентиментальная старость. Это на все времена. Это диалог, спор, дуэль временных понятий. Главное в другом: можно ли между ними проложить мост. Если да — значит, ход жизни не так уж страшен. Значит, удержаться на этом мосту возможно. И неизбежно дети станут отцами. Чтобы проложить новый мост... Роман «Отцы и дети» — о вечном.

Ги де Мопассан в очерке-некрологе «Иван Тургенев» писал: «Вокруг этого романа поднялся большой шум. Одни шутили, другие негодовали; никто не желал верить тому, о чем возвещал писатель...» А зря. Тургенев первый предугадал появление «новых» людей. И, возможно, первый поверил в начало новой эпохи... Но он ее уже не дождался... Очерк о своем близком друге Мопассан закончил трогательными строками: «Не было души более открытой, более тонкой и более проникновенной, не было таланта более пленительного, не было сердца более честного и более благородного».

Без преувеличения — Тургенев все время кому-то помогал, устраивал в журналы чьи-то произведения, писал предисловия. Спешил на помощь друзьям в любой трагичной ситуации. Его писем-просьб не счесть... Честное и благородное сердце остановилось в Буживале. Последние слова были обращены к тем, кто прощался с ним: «Ближе, ближе ко мне, и пусть я всех вас чувствую около себя... Настала минута прощаться... Простите!»

Его похоронили в России, в Петербурге. Рядом с Белинским. Такова была его последняя воля.

Смерть Ивана Сергеевича Тургенева стала трагедией для человечества. А похороны переросли в демонстрацию любви и уважения к русскому писателю. В Париже на проводах тела писателя в Россию французский писатель и публицист Эдмон Абу сказал: «Франция с гордостью усыновила бы вас, если бы вы того пожелали, но вы всегда оставались верным России». Под этими словами подписались бы многие страны.

Когда гроб с телом писателя доставили в Петербург, первым его встречала полиция. Усиленные наряды воинских частей стояли на пути похоронного шествия. И сотни агентов «наблюдательной охраны». «Думал ли бедный Тургенев, самый миролюбивый из людей, что он будет так страшен после смерти!» — написал критик и историк литературы Виктор Павлович Гаевский. На пять недель после похорон Россия становится страной демонстраций и манифестаций. Вот она — сила искусства! Вот он — пленительный талант! Вот оно — благородное сердце!..

Каждый день от нас ускользает настоящее. Превращаясь в прошлое. И каждый день приближается будущее... Иван Сергеевич Тургенев навсегда останется в будущем. Как и еще 99 писателей, которые потрясли мир.